ЛЕНИНСКАЯ ТЕМА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

СЦЕНА изображала красоту Смольного. Солдаты-фронтовики расположились здесь со своим нехитрым скарбом прямо на полу, у стен. Торопливым, деловым шагом один за другим проходили люди. Замер у дверей Военно-революционного комитета часовой. Видавший виды Иван Шадрин и тот растерялся — никого не удается остановить, все заняты, все спешат... И вдруг он увидел: прямо на него шел из глубины коридора невысокий плотный человек. «Его-то я и спрошу», — мгновенно созрело решение в голове Шадрина. Только не успел он произнести свои всем сегодня знакомые слова: «Уважаемый, где бы тут чайку мне?..», как в зрительном зале вспыхнули горячие аплодисменты. Люди аплодировали минуту, другую... Аплодисменты не смолкли... Напротив, они все больше нарастали, ширились... И словно волна какая-то подняла всех сидящих. Люди встали и стоя продолжали аплодировать... Приехавший лишь вчера с передовой в Питер солдат Шадрин еще не знал, кто шел ему навстречу. Люди, заполнившие зрительный зал Театра имени Евг. Вахтангова в утренние часы одного из первых ноябрьских дней 1937 года, знали: навстречу Шадрину шел Ленин. Они поверили в подлинность образа, созданного Борисом Щукиным, сразу же, с первых секунд попали под

власть его огромной искренности, могучего интеллекта, неповторимого обаяния. Уже первый общественный просмотр погодинского «Человека с ружьем», просмотр, на котором довелось быть и мне, стал открытием, откровением советского искусства. Впечатления от этого просмотра, от изумительной игры Щукина не изгладятся из памяти до конца дней...

Сила этого впечатления отнюдь не может быть объяснена только тем, что это была первая встреча с образом В. И. Ленина на сцене. Впечатление это объяснялось более всего тем, что Щукин достигал не только внешнего, портретного сходства с Ильичем, верно передавал манеру его речи, походку, характерные жесты и движения, но необычайно остро и глубоко постигал и передавал ленинский характер, его кипучий, страстный темперамент, товарищескую сердечность и революционную непримиримость, необыкновенное чувство юмора и гениальную прозорливость... Присутствуя на спектакле, мы ощущали, как необычайно плотно, естественно, органично слиты в образе, созданном Щукиным, трибун и мыслитель, ученый и революционер, человек и вождь...

Сценический образ В. И. Ленина стал крупнейшим событием в жизни советского театра тридцатых годов, стал творческим эталоном, твор-

ческим критерием при оценке работы других мастеров сцены, бравшихся за воплощение ленинской темы. Не в смысле неперемного соответствия образа, созданного кем-либо из них, образу, воплощенному Щукиным, а в смысле определения уровня творчества, той степени ответственности, с которой художник подходит к решению гигантской идейно-творческой задачи.

И здесь, мне кажется, необходимо особо подчеркнуть два момента, без которых не был бы достигнут этот уровень творчества, во произошло бы в то ноябрьское памятное утро всех поразившее и пленившее, ни с чем не сравнимое художественное, человеческое откровение, — это та титаническая работа по постижению и воплощению ленинского образа, которая была проделана Щукиным, и его строжайшая, беспощаднейшая выскательность к себе, к товарищам своим по сцене, с которыми соприкасался он, играя роль В. И. Ленина.

«Щукин перечитал все, что давало ему материал для создания образа Ленина, — вспоминает постановщик «Человека с ружьем» Р. Симонов. — Он встречался с людьми, хорошо знавшими Владимира Ильича. Но основной материал Щукин находил в самих произведениях Ленина. Многие книги Ленина Щукин перечитывал без конца, находя в них ис-

точник творческого вдохновения.

Каждую свободную минуту Борис Васильевич использовал для накопления материала. Даже идя по улице, он продолжал работать. Как-то раз из окна дома (в котором жил Щукин) мы увидели его идущим по улице особой походкой. Вглядевшись внимательнее, мы поняли, что Щукин ищет походку Владимира Ильича, которую так замечательно охарактеризовал Маяковский, — «мечет шажки».

Подобный же титанический труд и высочайшая творческая выскательность определили и успех М. Штрауха, одновременно с Б. Щукиным сыгравшего роль Владимира Ильича в спектакле Театра революции «Правда» А. Корнейчука. Все было включено в сферу внимания актера, начиная от стремления Ленина к общению с самыми разнообразными людьми, от его умения слушать людей, от необычайно динамичных записок, написанных им в острые, напряженные политические моменты, до фотографий вождя.

В образе Ленина с особой силой проявилась партийная основа творчества и Щукина, и Штрауха. Есть все основания говорить о том, что внутренняя, пусть даже неосознанная подготовка к воплощению образа вождя революции началась и у того и у другого актера за много лет до рождения спектаклей «Че-

ловека с ружьем» и «Правда». У Щукина — когда он играл большевиков Павла в «Вирине» Л. Сейфуллиной и В. Правдухина и Антона в «Барсуках» Л. Леонова, строителя Ермолая Лаптева в «Темпе» Н. Погодина. У Штрауха — при воплощении образа Руководящего лица в погодинском же «Моем друге». Да и сатирические образы в пьесах Маяковского требовали от актера и идейной убежденности, и ясности политического взгляда, и зрелости мышления. Исполнением же роли В. И. Ленина Щукин и Штраух наиболее сильно и ярко заявили о себе как об актерах нового, политического типа, положили начало плодотворной традиции сценической Ленины. Традиции, впоследствии развитой и обогащенной такими мастерами московской сцены, как А. Грибов, Б. Смирнов и другие.

И если можно говорить о художественном подвиге первооткрывателей сценического образа Ленина, то можно говорить и о творческом подвиге мастеров Московского Художественного театра, уже четверть века сохраняющих в своем репертуаре погодинские «Кремлевские куранты», показавшие за последние десять лет спектакль во Франции и Австрии, Англии и Америке. Это яркий пример того, говорила на XIX Московской городской партийной конференции А. Степанова, как большая по-

литическая идея, воплощенная в яркой, художественной форме, буквально покоряет зрителей.

С ТОЧКИ зрения этих замечательных достижений советского театрального искусства, уместно нам всем коллективно подумать сегодня, особенно в свете приближающегося столетия со дня рождения В. И. Ленина, всегда ли мы верны этим высшим идейно-творческим критериям, всегда ли проявляем при встрече с ленинской темой высочайшую выскательность, строжайшую непримиримость к недостаткам?

Побывав на первых спектаклях «Человека с ружьем» и «Правды», Н. К. Крупская в целом положительно оценила работу и Щукина, и Штрауха. Однако в исполнении и того и другого актера она подметила немало недостатков, на которые и указала им. А вот наша критика прошла сегодня мимо серьезной неудачи, которую потерпел такой известный мастер театра и кино, как И. Ильинский, в спектакле Малого театра «Джон Рид». Что это, ужели боязнь ранить и травмировать художника? Но почему же этого не боялась Н. К. Крупская в отношении Щукина и Штрауха, которым, кстати, как первооткрывателям было всех труднее и которые в целом одержали крупные победы, намного превышающие частные недочеты? Надежда Константиновна, видимо, полага-

ла, что в таком исключительно ответственном деле, как художественное воплощение образа В. И. Ленина, нет и не может быть частностей, которых можно было бы не замечать. Вряд ли молчание по поводу неудачи художника равнозначно бережному отношению к нему, заботе о нем. Тем более молчание нетерпимо, когда речь идет не о частных недостатках в образе, а о серьезной неудаче крупного мастера.

Возможно, что кто-нибудь и возразит: зачем, мол, об этом говорить сейчас, когда актер уже ушел из театра и больше роль В. И. Ленина не играет? Да затем, что и несколько месяцев назад, когда говорить об этом было в самую пору, наша критика промолчала. Затем, что у нас ряд художников сцены, особенно среди отмеченных высокими званиями, по сути дела оказался вне критики, а это, как известно, творчеству, особенно при решении такой темы, как ленинская, не способствует.

Можно было бы привести в этом плане и другой пример — исполнение роли В. И. Ленина Иннокентием Смоктуновским в фильме «На одной планете». Однако здесь мы встречаемся с более тревожными симптомами, чем просто стремление кого-то из критиков умолчать о неудаче актера, которую, кстати, к чести талантливого художника, признает он и сам. В своей книге «Правда и поэзия ленинского

образа» критик Н. Зайцев пишет: «Необычность работы этого актера, между прочим, еще и в том, что он не стремится к абсолютному перевоплощению, считавшемуся ранее для этой роли неприменимым. Все-таки он нет-нет да и напоминает где-то о себе самом». В этом — суть. Уже не постижение и передача образа В. И. Ленина, задача грандиознейшая и разрешимая лишь коллективными усилиями не одного поколения советской актерской школы, подчеркивается автором книги, а само выявление актера. Здесь дает себя знать модная в последнее время тенденция, уводящая актера от задачи реалистического освоения мира и человека и особенно нетерпимая при воплощении ленинского образа. Что же касается утверждения Н. Зайцева о том, что «Смоктуновский стремится показать нам не просто многогранность — как сумму граней, — а многогранность Ленина, взаимопроникновение различных, порой, на первый взгляд, трудно совместимых начал, эмоций», то оно, это утверждение, страдает односторонностью. Думая об образе Ленина, нельзя забывать о его совершенно исключительной целостности и ясности, выраженных в классическом определении из очерка М. Горького «В. И. Ленин»: «Прост, как правда».

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
Г. МОСКВА

10 ИЮЛ 1968

Особо следует подчеркнуть, что крупнейшие достижения советской сцены в области воплощения ленинской темы и ленинского образа тесно связаны с драматургией, обладающей высокими идейными и художественными достоинствами, качеством литературности, немыслимы вне ее.

Более двадцати лет отдал ленинской теме Николай Федорович Погодин — и трилогия о Владимире Ильиче, за создание которой драматург был удостоен Ленинской премии, может быть рассматриваема как дело всей его жизни. Двадцать с лишним лет! Каким огромным исследовательским трудом заполнены годы и дни писателя, как чутко прислушивался он к своему времени, стараясь уловить «связь времен» между годами, в которые жил сам, и годами, в которые жил Ленин.

И снова мы встречаемся с подвигом, который исключает и элемент какой бы то ни было случайности, и элемент какой бы то ни было спекулятивности при обращении к ленинской теме. Целиком погруженный до обращения к этой теме в мир современных ему образов Погодин видит в различных гранях и аспектах ленинской темы то, что делает ее по-настоящему современной и актуальной. И тема ответственности человека перед революцией, и тема мечты, сообщающей высокий смысл будничной, повседневной работе масс, и тема революционного гуманизма и социального оптимизма — все они обладают качеством непреходящей духовной ценности и значимости.

Следует, на мой взгляд, отметить и то, что обращение к ленинской теме, к ленинскому образу подняло на качественно новую ступень писательское мастерство Погодина. Встреча с таким гигантским образом, как образ Владимира Ильича, заставила писателя отказаться от беглости и зарисовочности, эпизодичности и калейдоскопичности, которые в значительной мере были присущи его драматургическим первенцам, нередко представляющим собой талантливые публицистические репортажи с переднего края первых пятилеток. Иначе и быть не могло — это диктовалось высочайшей ответственностью художника перед темой, ответственностью, которую остро испытывал Н. Погодин.

«Гениальность и величие дел В. И. Ленина, — писал драматург, — настолько исключительны, что ни писатель, ни актер, приступая к работе над этим образом, не найдут никаких, хотя бы самых отдаленных, хотя бы очень условных аналогий в мировой драме. Это так понятно, что не требует сколько-нибудь распространенных объяснений. Стоит только обратиться даже самый яркий образ из великолепной галереи мирового театра и сопоставить его с тем, что должно быть выражено в образе вождя пролетарской революции, как само собой окажется, что параллель эта совершенно неуместна и, следовательно, никемна».

Опыт работы Погодина над ленинской темой чрезвычайно плодотворен. Но это вовсе не означает, что все драматурги, приступающие к

этой теме, должны непременно идти погодинским, а не своим путем. Обратившись к юношеским годам Владимира Ильича, И. Попов в пьесе «Семья» рисует его в кругу близких людей, проводит через испытания, которые немало способствуют духовному возмужанию и революционному созреванию будущего вождя рабочего класса. Создавая свой «Вечный источник», Дмитрий Зорин тему «Ленин и народ» раскрывает как тему «Ленин в народе», в самой гуще повседневной крестьянской жизни, в кругу ежедневных интересов деревни. Общение с крестьянами подбуждает для Ильича справедливость его кооперативного плана, идеи коллективного ведения хозяйства трудовым крестьянством. «Опыт документальной драмы» — вот слова, поставленные Михаилом Шатровым в подзаголовок пьесы «Шестое июля». Они означают совершенно новый подход драматурга к решению ленинской темы, связанный с документально точным, свободным от художественного вымысла воспроизведением событий и фактов ленинской жизни.

Разумеется, что ни один из этих способов воплощения ленинской темы не может быть канонизирован. Но каждое из произведений не только сохраняет свое непосредственное значение для театра, но, как и пьесы Погодина, определяет уровень идейно-творческих поисков при воплощении ленинской темы. Между тем далеко не все сегодняшние драматурги, обрабатывая тему ленинской, придерживаются этого уровня.

Не стану разбирать сейчас пьесы, появившиеся за пределами Москвы, хотя и там никакие скидки неуместны, и недостаток таланта или мастерства отнюдь не служат извиняющим обстоятельством. Но вот пьеса П. Бернацкого «Начало пути», показанная не столь давно Центральным детским театром. Слабая пьеса, естественно, привела к слабому спектаклю, хотя в нем и занят ряд ведущих мастеров театра. Слабость пьесы порождена не только включением в нее детективной линии, связанной с провокаторшей Серебряковой, но и с тем, что самый образ Володи Ульянова не явился художественным открытием ни автора пьесы, ни способного актера В. Головенкова. И пьеса, спектакль выполняют функцию чисто иллюстративную, освещающую некоторые страницы юности Владимира Ильича, ранее драматургией и театром не затрагнутые.

Есть ли в пьесе Бернацкого и спектакле Центрального детского театра отдельные удачные моменты? Есть. Но они не играют, не могут играть при оценке произведений, воссоздающих образ вождя, решающей роли. Полуудача при воплощении ленинской темы, по сути дела, равнозначна неудаче. Каждая ленинская пьеса, каждый ленинский спектакль должны быть **событием** в жизни драматургии и театра. Если же они событиями не являются, значит, они лишь частично, далеко не полностью, выполняют свое идейно-художественное назначение.

Рождение драматургической и сценической Ленини-

ны во второй половине тридцатых годов было подготовлено всем предшествовавшим развитием советской драматической литературы и советского театра. Вряд ли есть необходимость перечислять сейчас пьесы и спектакли о революции, пронизанные ленинскими идеями, ленинским мироощущением, хотя Ленин непосредственно на сцене и не появлялся. Достаточно вспомнить пьесу Всеволода Иванова «Бронепоезд 14—69», ее звучание в Московском Художественном театре, самый ход репетиций, которыми руководил К. С. Станиславский. Великий мастер театра настойчиво добивался, чтобы Пеклеванов — «посланец Ленина» — стал «идейным центром» пьесы и спектакля, чтобы образ Ленина не раз возникал в воображении зрителя по ходу спектакля. Это требовало и соответствующего художественного строя спектакля в целом, точного соотношения всех его компонентов, сдержанной, строгой трактовки «партизанских сцен». Когда Н. Баталов, игравший Васюку Окорока, расказал о звонке одного из критиков, выражавшего сожаление по поводу того, что Васюка не свистит «в два пальца» и что в спектакле «мало... разгула партизанщины», Станиславский решительно возразил: «Если ему хочется, пусть сидит у себя дома и свистит хоть в четыре пальца. А мы ему не поддадимся — не «прсвистим» наш спектакль».

Ах, как остро, как злобно звучат эти слова Кон-

стантина Сергеевича сегодня, особенно когда думаешь о некоторых московских спектаклях, так или иначе отражающих тему Ленина! Вот, к примеру, спектакль Театра на Таганке «Десять дней, которые потрясли мир». С первых же минут он ошеломляет зрителя набором всевозможных эффектов. Однако звучит ли во всю силу, «во весь голос» в спектакле тема Ленина? Нет, несмотря на то, что ленинский текст читает такой великолепный актер, как М. Штраух, она «заглушается» этими самыми чисто внешними эффектами. Сосредоточив внимание на показе крушения старого мира, режиссер Ю. Любимов оставил в тени главную тему — социалистическую революцию, проходящую сквозь книгу Джона Рида красной нитью, — тему рождения мира нового, героической борьбы за этот мир партии и рабочего класса, утверждения сознательной революционной дисциплины.

Готовясь к столетию со дня рождения В. И. Ленина, наши драматурги и театры, вероятно, создадут не одно произведение, где образ Владимира Ильича будет в центре разворачивающихся событий, и не одно произведение о революции, где В. И. Ленин непосредственного участия в действии принимать не будет. Но и в том, и в другом случае необходимы историческая точность, высокая требовательность как к

художественной, так и к идейной стороне произведения. Вот почему безоговорочно апологетическая оценка (ни одного критического замечания!), данная А. Анастасьевым пьесе М. Шатрова «Большевики» в рецензии на спектакль театра «Современник», опубликованной в газете «Труд», представляется мне излишне торопливой и неглубокой. Пьеса эта, вопрос о том, насколько исторически точна и достаточно полна обрисовка каждого из ее героев, требует серьезного аналитического рассмотрения, а не скороспелых дифирамбов. Слишком грандиозна, слишком ответственна тема, за которую взялся драматург. Здесь отход от истины, даже самое незначительное отклонение от нее или искажение ее совершенно недопустимы.

Но ленинская тема в искусстве связана не только с днями минувшими, но в не меньшей мере и с днями нынешними и завтрашними. Наша сегодняшняя советская действительность — это ленинизм в действии, практическое претворение в трудовой практике миллионов ленинских идей и предначертаний. И сегодня необходимо еще и еще раз напомнить, что перед темой современной социальности жизни народа, перед темой партии, возглавляющей всенародную битву за коммунизм, перед образом нашего современника — человека неутомимого труда и дерзновенного поиска, остро сознающего свою ответственность перед обществом за судьбы революции, мира и коммунизма, наша драматургия и театр находятся в серь-

езном долгу. Долг этот надо оплачивать, не теряя ни минуты!

«Каждый день жизни нашей Родины приносит новые замечательные примеры героизма, гражданского мужества, заслуживающие подражания, — говорил, выступая на Всесоюзном съезде учителей, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Богатейший материал дает воспитателям молодого поколения революционный опыт Коммунистической партии, пример старших поколений, их беззаветного служения народу. И самый светлый, самый дорогой для нас пример — жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина. Сокровищница ленинских идей — это огромное духовное богатство, из которого уже не одно поколение людей черпает знания и вдохновение для великих свершений».

Столичный писательский и театральный коллективы располагают большими творческими возможностями, силами высокоталантливых мастеров литературы и сцены. Есть все основания быть уверенными, что, руководствуясь решениями XXIII съезда партии, материалами апрельского Пленума ЦК КПСС и XIX конференции Московской городской партийной организации, мастера драматургии и театра, как и вся наша творческая интеллигенция, весь народ, сделают все для достойной встречи великой даты, до которой осталось не так уже много времени.